

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 821.161.1.09

*М.А. Ануфриева***ЭСТЕТИКА ЭПИЧЕСКОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ
В ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ И.И. ВВЕДЕНСКОГО**

Рассматривается проблема жанрово-стилевого развития русской литературы второй трети XIX в. в ее соотносительности с критериями переводческого отбора на примере деятельности выдающегося переводчика середины XIX в. И.И. Введенского. Теоретический аспект работы заключается в выявлении зависимости отбора текстов переводимых художественных произведений от основных жанровых тенденций русской литературы его времени.

И.И. Введенский вошел в историю художественно-переводческой деятельности как талантливый переводчик середины XIX в. Естественно, что в наше время его переводы устарели. Известные теперь разве что специалистам в области литературоведения и истории художественно-переводческой деятельности, в XIX в. они считались образцовыми. Именно по ним русский читатель впервые познакомился с творчеством Диккенса. «В середине XIX века он считался лучшим переводчиком, – пишет К.И. Чуковский. – Русские читатели в течение долгого времени знали Диккенса главным образом («по Иринарху Введенскому») [1. С. 301]. В России романы Ч. Диккенса, У. Теккерея, Ш. Бронте, Ф. Купера читались в переводе Введенского вплоть до 30-х гг. прошлого столетия, пока ему на смену не пришла новая школа переводчиков, критиковавшихся К.И. Чуковским за буквализм: «Со всеми своими отсебятинами он [Введенский] гораздо ближе к оригиналу, чем самый старательный и добросовестный труд какого-нибудь В. Ранцова, или М.П. Волошиновой, или Н. Ауэрбаха – позднейших переводчиков Диккенса» [1. С. 306].

При обращении к жанровым особенностям переводимых Введенским произведений художественной литературы нельзя не заметить его пристрастия к одному определенному жанру – жанру романа. Введенский переводил крупные романы, а время, когда он над ними работал, было временем становления и развития крупных эпических форм повествования в русской литературе. Роман, являющийся, по выражению Белинского, «эпосом нового времени», становится центральным жанром отечественной словесности XIX в. На рубеже 1830-х гг., по его словам, «вся наша литература превратилась в роман и повесть» [2. Т. 1. С. 261]. Будучи не только переводчиком, но и критиком, журналистом, историком и теоретиком литературы, Введенский часть своих литературно-критических статей посвятил проблемам эпоса и романа.

Первые литературоведческие статьи Введенского свидетельствуют о том, что он специально занимался изучением эпоса. Среди них – одна из самых ранних, датированная 1842 г., появившаяся в «Библиотеке для чтения» под названием «Калевала, финская языческая эпопея». В этой статье Введенский знакомит русского читателя с финским народным эпосом. Пересказу содержания поэмы предшествуют рассуждения автора о языческих религиях и мифологиях: «Многобожие еги-

петское, финикийское, греческое, тевтонское, славянское, финское действительно принадлежат к одной системе, имевшей общее начало и основание, и почитать их отдельными верами, самостоятельными изобретениями различных племен – значит заблуждаться самым нефилософическим образом. <...> Мифологии литовской, северно-славянской, финской и скандинавской нет никакой возможности разделять на независимые верования: их должно изучать вместе, как одну религию <...>» [3. С. 34–35].

В этих рассуждениях явно просматривается компаративистский подход. Введенский сравнивает религии и мифологии различных народов и находит в них общее, поскольку, по его словам, они произошли от одного источника. Он пишет, что верховный бог финнов – Юмала – соответствует Перуну, Тору, Юпитеру, т.е. это «властитель облаков и грома». Введенский также отмечает, что в некоторых местах Финляндии верховный бог – Вяйнемейнен и он соответствует Фрею, Волосу, Скоттию-богу, Озирису, Апполону, Гудмунду, Белбогу, олицетворяя Солнце. Как и Апполон, Вяйнемейнен был в то же время богом стихотворства и гармонии.

Свои рассуждения Введенский завершает выводом о том, что, принимаясь за изучение славянской мифологии, исследователь прежде всего должен изучить другие языческие мифологии: «В этом-то отношении изучение финской мифологии рядом со скандинавской и литовской чрезвычайно важно для нас, русских, которые пишем наугад диссертации о славянской мифологии, не составив себе наперед ясного понятия ни о начале, ни о сущности многобожия» [3. С. 35–36].

Свою статью Введенский завершает сравнением славянского и финского стихосложений. По его словам, и то и другое основано на параллелизме и аллитерации: «Склад» стиха (финского. – М.А.) совершенно тот же, как в старинных русских песнях» [3. С. 60].

Уже в этой ранней статье Введенский высказывает мысль о взаимосвязи и взаимовлиянии культур. Эту мысль, но уже в несколько измененном виде, и относительно влияния европейской, в частности английской, культуры и литературы на русскую он будет позже неоднократно повторять в своих статьях, обзорах, письмах. Так, например, опасаясь доноса, Введенский в 1849 г. пишет оправдательное письмо начальству, где, между прочим, сообщает: «Между тем, продолжая разрабатывать памятники новейшей русской литературы,

я постепенно пришел к мысли относительно обширного влияния, какое, в последнее время, английские писатели оказали на русскую литературу» [4. С. 742].

Другая статья, посвященная эпосу, напечатанная в «Библиотеке для чтения» в 1847 г., называется «Новые толки о гомерическом эпосе». Данная статья Введенского – это его рассуждения относительно бытовавших тогда различных мнений о том, кем и как были составлены «Илиада» и «Одиссея». Один из основных предметов разногласий затрагивает вопрос, является «Илиада» изначально одним целым произведением или отдельными песнями, из которых позже была составлена поэма. Введенский пишет: «Если представить, что эти рапсолисты пели всегда отдельные части поэм, без всякого отношения к целому содержанию, то в таком случае общий план “Илиады”, принимая ее за отдельную поэму, становился совершенно бесполезным» [5. С. 52–53].

Итак, знакомство с вышеупомянутыми статьями позволяет сделать следующий вывод: Введенский проявлял научный интерес к эпосу как роду литературы. Следовательно, вполне закономерно его пристальное внимание к жанру романа, являющегося эпической жанровой формой.

Период с 1847 по 1851 г. можно назвать временем интереса Введенского к английскому языку и литературе. В этом отношении 1847 г. был довольно плодотворным в жизни Введенского. Из его писем, опубликованных В. Брюсовым, узнаем, что он сам упоминал об этом: «У меня теперь дела гибель, – писал он в начале 1847 г., – и я работаю очень усердно. Недавно вновь сделался сотрудником одного из журналов и кой-что уже напечатал. Теперь начато вдруг несколько предприятий, которые покамест идут успешно» [6. С. 104]. Говоря о своей занятости, Введенский, скорее всего, имел в виду возобновившуюся литературно-критическую деятельность и занятия английским языком.

Выучив английский язык в возрасте тридцати двух лет, Введенский получил возможность не только ознакомиться с лучшими произведениями английской литературы в оригинале, но и прочитать оригинальные критические статьи и написать на них отклик. Один из них – занявший три статьи разбор «Очерка английской литературы» («*Outlines of the English Literature*»), написанного Томасом Шоу (Shaw; у Введенского: Ша). Из этого следует, что Введенского интересовал не только литературный процесс как таковой, но и, в частности, английская литература и ее историческое развитие.

В целом можно сказать, что данный разбор – гимн (другое слово трудно подобрать) английской литературе и, в более широком масштабе, английской культуре: «Нельзя не знать, не помнить и не сознаться при всем пристрастии русского человека к французскому уму и французским книгам, что английская литература – первая литература в мире, что в одной только этой литературе ум человеческий явился в полном величии и блеске, что по всем отраслям искусства мыслить и писать одна она представляет творения, выше и величественнее которых ничего не было и нет на земле» [7. С. 2]. По мысли Введенского, Англии принадлежат величайшие открытия во всех областях человеческой деятельности: в науках, политике, промышленности, словесности. Эта земля произвела великие умы и таланты, поэтому ос-

тальные европейские страны не могут не испытывать ее влияния, в том числе и влияния в литературе.

Однако английская литература, как всякая другая, прежде испытала на себе влияние других литератур, в частности латинской, греческой, итальянской, испанской, французской. Но, впитав в себя все лучшее, с середины восемнадцатого столетия она сама стала главным образцом для подражания. «Нынешняя литературная Европа, – пишет Введенский, – что она такое? ...воспитанница Байрона и Скотта!» [7. С. 3].

Завершив свой дифирамб английской духовно-интеллектуальной жизни, Введенский приступает к пересказу «Очерка» Шоу, поскольку считает это необходимым, т.к. данная книга является «благодеемием для русских читателей, которые до сих пор во всем множестве книг, изданных на отечественном языке, не находят ничего порядочного о предмете самом важном для образованности и умственного развития – об английской литературе» [7. С. 1–2]. По мнению критика, английская литература начинает свое развитие с произведений Чосера, которые, правда, еще носили признаки подражания иностранным образцам. Тем не менее Введенский ценит Чосера за «удивительно верное воспроизведение действительности, свежесть и живость описаний внешней природы, глубокое познание человеческой жизни в обрисовке характеров и, что всего важнее, всеобъемлющую любовь к человеку» [7. С. 5].

Далее Введенский переходит к поэтам и драматургам Возрождения, при этом опуская Шекспира как уже известного в России. Он лишь упоминает о нем мимоходом, точнее, о его драме, утверждая, что «драма Шекспира собственно не что иное, как роман драматизированный» [7. С. 17].

Далее Введенский рассуждает о романе как о новейшем эпическом жанре, отличительной форме литературы новой Европы. Достоинство новейшей литературы Введенский видит в отсутствии подражания классическим образцам. Такая «неискаженная» литература сводится, как он утверждает, «к одной общей форме: роман – роман в стихах – или роман в прозе – роман повествовательный или роман в разговорах» [7. С. 17]. Этим достоинством обладает самостоятельная английская литература, поэтому англичане – лучшие романисты.

Третью и последнюю статью Введенский начинает с разговора о Мильтоне. Он не причисляет себя к «кобожателям» его «Потерянного рая», поскольку Введенскому не нравится сама мысль автора созданием эпопеи поравняться с древними классиками. «Эпопея – не дело новейшего европейца, потомка средних веков, – утверждает Введенский. – Его природное, естественное дело – роман. Форма греческой эпопеи слишком тяжела для нас» [7. С. 37].

«Самой интересной» в «Очерке» он считает часть, посвященную эпохе «великих романистов»: Свифта, Дефо, Ричардсона, Филдинга, Смоллетта, Стерна и Голдсмита, чье творчество вызывает у Введенского глубокую симпатию. В своем разборе он достаточно подробно останавливается на их произведениях. «О последнем и величайшем из романистов нет нужды говорить, – заключает критик свой разбор. – Последним был Вальтер Скотт» [7. С. 58].

В другой статье, посвященной английской романтике, а именно творчеству Теккерея, Введенский, го-

вора о новой школе английских романистов, противопоставляет ее творчеству Байрона: «Насколько у Байрона его поэмы были созданием фантазии, настолько лица новейших английских романов прикреплены к английской территории, английской нации, английским сословиям и обстоятельствам жизни английского общества» [8. С. 33]. По сути, здесь противопоставляются друг другу две эстетики – романтизма и реализма. В литературе на смену фантастическим героям и чудесам приходят вполне реалистичные (и даже прозаичные) персонажи и повседневные события. Введенский писал: «... посмотрите на всех новейших английских романистов: посмотрите, какую жалкую роль играют в их произведениях влюбленные. Наследства, падающие с облаков или присылаемые из Индии, как дельвалось иногда в старину и в английских, и во французских, и в русских романах – исчезли. Жизнь действительная во всех ее подробностях, жизнь мануфактурных заведений, жизнь долговых тюрем Англии, жизнь адвокатских контор и много других, так сказать, низменных условий разных неизвестных английских кружков составляют любимые точки опоры для вдохновения английских романистов. И нужно им отдать справедливость, что они мало клеветают на Англию: истина и истина – их девиз» [8. С. 33].

Несомненно, в литературе Введенский отдает предпочтение реализму и верность в изображении действительности считает обязательным условием создания современного романа. Английский роман, по его мнению, как нельзя лучше отвечает этому требованию: «Достоинства английского романа – истина и воспроизведение английского быта во всех возможных отношениях – составляют <...> главное условие современности литературных произведений Британии» [8. С. 36]. А первенство среди новейших английских романистов Введенский признает за Диккенсом и Теккереем, произведения которых отличаются современностью и верностью в изображении действительной жизни. По его мнению, эти два романиста настолько талантливы, что заслуживают того, чтобы их произведения были добросовестно и качественно переведены на русский язык, и даже уже опубликованные переводы некоторых из них не могут помешать Введенскому перевести их заново.

1848 г. ознаменовался в научно-критической деятельности Введенского появлением ряда статей, в которых он выдвигает современность, верность действительности, опору на факты как обязательные условия, которым должен следовать автор художественных произведений. Одна из них – «Предрассудки и поверья крестьян в Петровском уезде Саратовской губернии». Уже сам заголовок свидетельствует об интересе Введенского к народному быту и, соответственно, к действительной жизни как таковой.

Узнав, что муж его сестры У.С. Карпов собирает народные поверья, Введенский выражает свое одобрение и просит прислать ему собранный материал, чтобы он мог дать совет для дальнейшего труда. Получив от Карпова статью о предрассудках, Введенский отредактировал ее, сдал в «Отечественные записки» и сообщил Карпову следующее: «Насилу-то я собрался дать литературную форму вашей статье о предрассудках. Вчера ее кончил и отослал в журнал «Отечественные записки», где она будет

напечатана в этом месяце. Я хотел подписать под ней вашу фамилию, но рассчитал, что вы можете подвергнуться неприятностям от вашего архиерея, и потому просто подписал под нею: сельский житель К. Это лучше» [6. С. 114]. И действительно, в 1848 г. в февральском номере «Отечественных записок» появилась вышеназванная статья за подписью «Сельский житель К.».

Но наше внимание привлекла не сама статья, поскольку она содержит лишь описания предрассудков и поверий крестьян, а подстрочное примечание к этой статье, в котором приводилось письмо «Сельского жителя К.» к редактору журнала. Скорее всего, это письмо принадлежит перу не Карпова, а Введенского, придавшего статье первого «литературную форму», поскольку маловероятно, что Карпов сам стал бы писать редактору журнала, если учесть, что его статья требовала посторонней литературной обработки. Автор этого письма объясняет свой повышенный интерес к предрассудкам и поверьям крестьян влиянием Гоголя. Гоголь в предисловии ко второму изданию «Мертвых душ» обращается к читателям с просьбой доставлять материалы для изображения характера русского человека. «Сельский житель К.», откликаясь на эту просьбу, решает «внимательнее вглядываться в жизнь окружающих его русских крестьян и следить за их нравами и обычаями» и обещает «в непродолжительном времени представить <...> целый ряд таких же статей». Письмо заканчивается следующими словами: «Подобный труд едва ли будет лишним, и, может быть, пригодится даже самому г. Гоголю для следующих частей его поэмы, в которой, как мне кажется, он задумал изобразить современную жизнь, точно так же, как некогда Гомер изобразил в своей поэме жизнь древней Греции... Желаю г. Гоголю успеха, хотя, с своей стороны, совершенно убежден, что подобный труд для настоящего времени физически невозможен» [9. С. 201–202]. Эти слова выражают уже отмеченную выше мысль Введенского о том, что лишь роман является единственно приемлемой формой для современной литературы и что намерение поравняться с древними классиками созданием поэмы эпического масштаба кажется ему эфемерным.

Подобное отношение обнаруживается у Введенского и к жанру сказки. В статье «Учебник русского языка...» он пишет: «Не раз мы высказывали мысль, которую охотно повторяем и теперь, что сказка – собственно ложный род поэзии, нетерпимый в литературе, достигшей известной степени зрелости. Единственное достоинство сказок может заключаться только в их историческом значении, так как они показывают направления фантазии в ту или другую эпоху народного существования, но во всяком другом случае сказка – мертвый капитал в литературе, хотя бы она принадлежала поэтическому перу Эленшлегера и Пушкина» [10. С. 127].

В 1853 г. Введенский пишет рецензию на книгу М.А. Тулова «Руководство к познанию родов, видов и форм поэзии». Эта рецензия, опубликованная незадолго до смерти критика, является своеобразным итогом тому, что он написал за свою недолгую жизнь. Особого внимания заслуживают его полемические замечания по поводу суждений Тулова о том, что «дурное в действительности будто каким-то особенным эстетическим образом нам нравится в искусстве» [11. С. 52]. «Нет,

г. автор, – возражает Введенский, – если ханжа, лицемер, скупец, злодей и т.д. внушают вам отвращение в действительной жизни, то, быть может, еще более это чувство усиливается в вас, как скоро рука художника воспроизведет перед вами эти типические образы со всеми безобразным подробностями, которые так часто в природе ускользают от глаз поверхностного наблюдателя. <...> Художник вам нравится, г. Тулов, а не лица, им изображенные: Гоголь, а не Плюшкин, не Собакевич, не Ноздрев и даже не Чичиков – нет нужды, что он отличается такими изящными манерами» [11. С. 52–53].

Упоминание Гоголя и его героев (причем оно далеко не единственное в его статьях и письмах) неслучайно. Во-первых, оно показывает, насколько высок уровень требований, которые предъявляет Введенский к роману, как отечественному, так и зарубежному. Во-вторых, Гоголю принадлежит одна из ключевых ролей в определении направления жанрового развития русской литературы 30–40-х гг. XIX в. Это направление приведет к дальнейшему усилению эпического начала в литературе, укрупнению прозаических жанровых форм и сохранению главенствующего положения прозаических жанров вплоть до начала XX в., когда им на смену придет творчество поэтов Серебряного века.

Итак, обращение к рассмотренным выше статьям Введенского позволяет сделать следующий вывод:

совершенно очевидно, что он отдавал предпочтение эпическому роду литературы, в частности жанру романа, считая его эпосом нового времени. Это, в свою очередь, свидетельствует о его верном видении общей тенденции развития русской литературы. В романе Введенский видел тот жанр, который определял направление русской литературы его времени. Но было бы ошибкой утверждать, что Введенского интересовал всякий роман: для художественного перевода он неизменно выбирал роман английской, поскольку из всех европейских литератур английская, по его мнению, в то время была наиболее влиятельной. Показательно, что Введенский знал другие европейские языки не хуже английского (а скорее, даже лучше, поскольку, как известно, английский язык он освоил гораздо позже, в возрасте тридцати двух лет), но на французский и немецкий он переводил в основном лишь научно-критические статьи, а не художественные произведения.

Другим требованием к роману являлась его актуальность, его созвучие времени.

Важно отметить еще и то, что переведенные Введенским произведения (прежде всего, это романы Диккенса и Теккерера) заняли достойное место в истории мировой литературы, что говорит о безошибочном литературоведческом чутье и хорошем художественном вкусе переводчика.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чуковский К.И. Высокое искусство. М., 1968.
2. Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1953.
3. Введенский И.И. Калевала, финская языческая эпопея // Библиотека для чтения. 1842. Т. 55, № 11. Отд. VII. С. 33–65.
4. Гусев П. Иринарх Иванович Введенский. Эпизод из его жизни 1849 г. // Русская старина. 1879. Т. 25, № 8. С. 739–744.
5. Введенский И.И. Новые толки о гомерическом эпосе // Библиотека для чтения. 1847. Т. 84. Отд. VII. С. 52–61.
6. Брюсов В.И. И. Введенский по его письмам // Русский архив. 1901. Кн. 2, вып. 5. С. 95–128.
7. Введенский И.И. Очерк английской литературы. Сочинение Томаса Ша // Библиотека для чтения. 1847. Т. 83, № 7. Отд. V. С. 1–36; № 8. Отд. V. С. 37–58.
8. Введенский И.И. Ярмарка тщеславия. Роман Вильяма Теккерера, в десяти частях // Отечественные записки. 1851. Т. 77, № 7. Отд. VI. С. 32–53.
9. Введенский И.И. Предрассудки и поверья крестьян в Петровском уезде Саратовской губернии // Отечественные записки. 1848. Т. 56, № 2. Отд. VIII. С. 201–206.
10. Введенский И.И. Учебник русского языка, составленный учителем 3-й Московской Реальной Гимназии Александром Смирновым. Год первый. Москва. 1848 // Отечественные записки. 1848. Т. 58, № 6. Отд. VI. С. 125–129.
11. Введенский И.И. Руководство к познанию родов, видов и форм поэзии. М. Тулова. Киев. 1853 // Отечественные записки. 1853. Т. 91, № 12. Отд. IV. С. 33–56.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 8 апреля 2008 г.